

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.23

DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-4-13

Маликов Сергей Владимирович,
доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного права
и криминологии,
Московская академия
Следственного комитета
имени А. Я. Сухарева,
125080, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12,
email: s.v.malikov@yandex.ru

Malikov, Sergey V.,
Doctor of Legal Sciences, Professor
of the Department of Criminal Law
and Criminology, Moscow Academy
The Investigative Committee
named after A. Ya. Sukharev,
12 Vrubel St., Moscow, 125080,
Russian Federation,
email: s.v.malikov@yandex.ru

СТАДИИ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ

STAGES OF THE CRIME COMMISSION IN PRE-REVOLUTIONARY PENAL-LEGAL THOUGHT

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется эволюция представлений о стадиях совершения преступления в дореволюционной уголовно-правовой мысли России. Основное внимание уделяется теоретическим дискуссиям о разграничении приготовления к преступлению и покушения на преступление, которое являлось центральным вопросом уголовного права того периода. Констатируется, что в этот период выделились три основных направления в понимании стадий преступления: субъективные теории, основанные на внутреннем моменте; объективные теории, опирающиеся на внешние признаки преступной деятельности; и соединительные теории, объединяющие оба подхода. Особое внимание уделяется работам отечественных правоведов, которые развивали зарубежный опыт и создавали собственную теорию стадий преступления. Отечественная уголовно-правовая мысль творчески переосмыслила зарубежный опыт и создала собственную концепцию стадий преступления, которая учитывала специфику российского законодательства и правоприменительной практики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: стадии преступления, приготовление к преступлению, покушение на преступление, оконченное преступление, неоконченное преступление, теория уголовного права

ABSTRACT. The article examines the evolution of ideas about the stages of committing a crime in pre-revolutionary criminal law thought in Russia. The main focus is on theoretical discussions about the distinction between preparation for a crime and attempted crime, which were the central issue of criminal law of that period. It is stated that during this period, three main directions emerged in understanding the stages of crime: subjective theories based on the internal moment; objective theories based on the external signs of criminal activity; and connecting theories that combine both approaches. Special attention is paid to the works of Russian jurists who developed foreign experience and created their own theory of the stages of crime. Russian criminal law thought creatively rethought foreign experience and created its own concept of the stages of crime, which took into account the specifics of Russian legislation and law enforcement practice.

KEYWORDS: stages of crime, preparation for crime, attempted crime, completed crime, unfinished crime, theory of criminal law

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Маликов, С. В. Стадии совершения преступления в дореволюционной уголовно-правовой мысли / С. В. Маликов. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 4. – С. 103–107. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-4-13

FOR CITATION:

Malikov, S. V. (2025) Stages of the Crime Commission in Pre-Revolutionary Penal-Legal Thought. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 12(4): 103–107 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-4-13

Нормы о неоконченном преступлении всегда занимали одно из центральных мест в системе уголовного права, поскольку верное толкование их содержания и сущности является необходимой предпосылкой для правильной квалификации преступлений, назначения и индивидуализации наказания, выполнения и соблюдения всех задач и принципов уголовного закона. Развитие взглядов отечественных ученых на неоконченное преступление главным образом основывалось на учениях зарубежных ученых и касалось сложных вопросов выделения отдельных стадий преступления, в частности покушения и приготовления.

Установление временных границ преступного деяния преследует широкий спектр целей:

– упорядочивание уголовно-правового регулирования посредством установления начальных и конечных точек преступного деяния;

– усиление охраны наиболее значимых общественных отношений путем объявления деятельности, направленной на причинение вреда в будущем, преступной на более ранней стадии (самостоятельная ответственность за деяния, которые согласно закону признаются оконченными на стадии приготовления или покушения);

– дифференциация уголовно-правовой реакции на деяния, оказывающие продолжительное воздействие на объект охраны.

Протяженность деяния во времени отмечалась практически всеми учеными-криминалистами, в связи с чем возникла задача надлежащей уголовно-правовой оценки определенных действий. Исторически первой проблемой для анализа являлось отделение приготовления от покушения, основная часть работ сводилась к поиску критерия такого разграничения. Это обуславливалось тем, что приготовление к преступлению, как правило, не являлось наказуемым и поэтому возникала необходимость установления границы, когда лицо могло подвергаться уголовной репрессии.

В зарубежной литературе сформировалось три вида теорий, касающихся стадий, в том числе применительно к вопросу об их отграничении: 1) субъективные, в которых выделялись две самостоятельные группы: а) учения, которые не вырабатывают никаких общих правил для распознавания субъективного момента, присущего покушению; б) теории, устанавливающие для распознавания такого момента объективный критерий;

2) объективные, которые определяли, что покушение, в отличие от действий приготовительных, предполагает «начало исполнения»; 3) смешанные (соединительные), которые при отграничении покушения от приготовительных действий выдвигали два момента: субъективный и объективный, придавая каждому из них самостоятельное значение [4].

Отечественная уголовно-правовая наука, базируясь на зарубежных разработках, творчески развивала и переосмысливала имеющиеся концепции [4; 8]. Первые теоретические упоминания о неоконченном преступлении в отечественной уголовно-правовой науке появляются в работе О. И. Горегляда [2]. Под ним понимается деяние, которое либо непосредственно направлено на совершение преступления, либо означает приготовление к нему. К покушению автор также приравнивал преступления, которые не были совершены в силу неисполнения преступного намерения.

О. И. Горегляд выделяет два вида покушения: ближайшее (сильное) и отдаленное (слабое). Первым он предлагает признавать деяние, окончанию которого воспрепятствовали внешние обстоятельства или сам виновный отложил доведение преступления до конца; вторым – приготовительные действия (в современном понимании – приготовление к преступлению). Таким образом, автор не проводит разделения покушения и приготовления.

Г. И. Солнцев отмечал, что некоторые преступления содержат в себе такие деяния, ко-

торыми они еще начинаются и обнаруживают лишь волю преступника, стремящегося совершить противозаконное деяние, но исполнения преступления не происходит. Такие преступления отличаются от совершенных преступлений, при которых замысел преступника полностью реализован. Последние именуются оконченными, первые же – замысленными или покушениями на преступление.

Покушение на преступление разделяется на три степени: покушение отдаленное, менее отдаленное и самое ближайшее [10, с. 318]:

– покушение отдаленное состоит в том, что предпринимаются только приготовительные действия к совершению преступления;

– покушение менее отдаленное состоит в том, что начинается действие, которое должно и способно привести к противозаконному последствию;

– самое ближайшее покушение состоит в оконченном деянии, последствия которого не наступают по какой-либо особенной причине.

По мнению П. Д. Калмыкова, на пути от возникновения умысла до его выполнения встречаются различные «постепенности», которые влияют на определение виновности лица: выражение умысла, приготовление, покушение и совершение преступления. Оконченным он признает преступление, в котором имеются все признаки, установленные законом для полной меры вины и наказания. В силу того что общих признаков для всех оконченных преступлений привести нельзя, выделяется два рода деяний: а) одни должны включать наступление вреда для признания его оконченным (убийство); б) другие – наступления вреда не требуют (государственная измена).

Покушение соизмеряется с оконченным преступлением и представляет собой начатое преступление, но не достигшее осуществления. К его признакам ученый относит следующее: а) совершаемое деяние должно быть запрещено законом под страхом наказания; б) покушение состоит только в деянии; в) мысли, намерения, планы и предположения не образуют покушения; г) покушение может быть только умысленным; д) деяние должно быть направлено на совершение преступления в полном объеме; е) выражается в начале исполнения действий; ж) действие должно быть устранено внешними, случайными обстоятельствами, независимыми от воли виновного.

Отдельное внимание ученым уделяется негодным покушениям. Выделяется два их вида – абсолютно и относительно негодные. П. Д. Калмыков полагает, что при их применении не образуются покушения, поскольку имеется явный недостаток связи между волей и действием [3, с. 121].

В теории права по этому поводу господствовало три позиции: одни авторы отрицали преступность подобного рода действий; другие, наоборот, признавали их преступными; третьи (к которым относился и П. Д. Калмыков) выделяли два вида такого покушения, считая один из них уголовно наказуемым, другой – нет [6, с. 381–389].

Наряду с покушением с негодными средствами выделялось покушение на негодный объект. Его наличие, а главное, правовые последствия таких действий вызывали в литературе дискуссию. Ряд ученых (Н. С. Таганцев, Н. А. Неклюдов и др.) признавали их уголовно индифферентными, некоторые криминалисты (Г. Е. Колоколов и др.) считали уголовно наказуемыми. Третья группа ученых (А. Ф. Бернер и др.) делила рассматриваемое покушение на два вида: покушение на абсолютно негодный объект (настаивала на его неприступности) и покушение на относительно негодный объект (признавала преступным).

В общих чертах П. Д. Калмыков также описывает начатое и оконченное, а также сложное покушение, однако не раскрывает их теоретического и практического значения. Применительно к сложному покушению можно говорить о ситуациях, когда деяние, квалифицируемое как покушение, является самостоятельным преступлением [3, с. 123].

По мнению Н. В. Ратовского, «покушением называется внешнее, со злым намерением учинить преступление, предпринятое действие, или опущение, посредством которого не все произведено или последовало, что к понятию совершенного преступления принадлежит» [7, с. 1–2]. Таким образом, покушению присущи: злое намерение (*dolus*); неполнота деяния или ненаступление последствий, присущих определенному преступлению. Н. В. Ратовский выступает против признания преступного последствия вообще, как, например, Г. И. Солнцев, признаком, отграничивающим оконченное преступление от неоконченного. Во-первых,

в некоторых случаях закон не связывает момент окончания преступления с наступлением каких-либо общественно опасных последствий, для этого достаточно совершения самого деяния; во-вторых, покушение само по себе способно причинять вред.

А. Н. Орлов ставит главный вопрос: необходимо определить принцип, на основании которого покушение может быть разграничено от совершения (оконченного преступления). Анализируя подходы ученых, он утверждает, что различие между покушением и совершением (т. е. оконченным преступлением) не основывается ни на намерении действующего лица, ни на существовании некоего последствия, а может базироваться исключительно на понятии преступления, в котором выражается представление законодателя о необходимых свойствах преступного действия. Совокупность отдельных признаков и свойств преступного действия называется составом преступления [5, с. 30–37].

Им предлагается интересный подход: каждое покушение предполагает недостаток в полном понятии, при этом не всякая неполнота говорит о покушении. Как же тогда сформулировать понятие покушения, отграничив его от других видов неполноты состава? Выход из этого затруднения предлагается искать в субъективной стороне: при покушении охватывается полное представление о преступлении, в отличие от недостатка в составе, который не охватывает всего представления о преступлении.

Рассуждения А. Н. Орлова о покушении в неосторожных преступлениях можно свести к следующему. Если выделять стадии преступления только по внешнему признаку – началу выполнения действий, – становится неочевидной невозможность наличия покушения у неосторожных преступлений, поскольку они также имеют начальную точку. Отличие как раз состоит в субъективной стороне: при неосторожном преступлении лицо не направляет свою волю к преступному последствию [5, с. 35].

По мнению ученого, невозможно покушение в преступлениях, совершаемых «моментальным действием»; преступлениях, возникших в результате внезапного возбуждения; преступлениях, состоящих в эксцессе.

Практическую важность для разрешения вопроса о наказуемости покушения имело точ-

ное и определенное разграничение приготовления и покушения, поскольку приготовление было ненаказуемым, за исключением специальных статей, определяющих приготовительные действия как оконченные преступления. С. М. Будзинский, отталкиваясь от совершения преступления (оконченного преступления), под которым он понимает достижение виновным предполагаемого последствия или произведение желаемой перемены во внешнем мире, приготовление видит в деяниях, имеющих целью сделать преступление возможным, облегчить его исполнение. Оно выражается в приобретении и приготовлении средств, необходимых для преступления, собирании сведений, получении соответствующих навыков, приискании удобного времени, устранении препятствий. Приготовление еще не означает начала исполнения деяния, представляет собой лишь «определенную догадку». Именно сложность доказывания факта приготовления приводит С. М. Будзинского к сомнению в возможности наказуемости такового [1, с. 185–187].

Деление покушения на отдаленное и близкое, как считал С. М. Будзинский, бессмысленно. Границей, отделяющей приготовление от других стадий, является начало исполнения деяния, т. е. тот момент деяния, в котором уже очевидно проявляются признаки намеряемого преступления. Иными словами, исполняемое действие состоит в такой причинной связи с предполагаемым последствием (собственно преступлением), что уже производит его.

Классификация ученым покушения сходна с той, что выделялась ранее: прерванное покушение, покушение оконченное и неудавшееся покушение. Наказуемость покушения С. М. Будзинский связывает с двумя моментами: со степенью злого умысла и степенью развития деяния [1, с. 190–192].

Н. С. Таганцев под приготовлением к совершению преступления имеет в виду совокупность разнообразных действий, которые предпринимаются виновным по отношению к готовящемуся преступлению и возможности доказать свою непричастность к нему: 1) к подготовке выполнения преступления; 2) к подготовке пользования плодами преступного деяния; 3) к подготовке своей безнаказанности.

В целом приготовление рассматривается ученым как «специальный вид обнаружения

умысла». Такой подход к приготовлению по- зволил Н. С. Таганцеву считать данное деяние ненаказуемым.

В доктрине отечественного уголовного пра- ва сложилось два подхода к определению по- кушения на преступление, а следовательно, к его отграничению от смежных явлений – при- готовления к преступлению и оконченного преступления. Различаются они между собой основанием, положенным в разграничение ста- дий совершения преступления.

Если отвлечься от некоторых нюансов, то так называемые объективные теории исходят из характеристики преступной деятельности, не достигшей требуемой законом полноты; субъективные теории – из характеристики воли, стремящейся к посягательству. Оцени- вая указанные подходы, Н. С. Таганцев заме- чает: «Для признания известной деятельности покушением необходимо доказать наличие субъективного момента, т. е. необходимо дока- зать, что эта деятельность была осуществлени- ем злой воли, так как благодаря только этому условию она и получает уголовно наказуемый характер. В этом отношении объективное воз- зрение отнюдь не игнорирует значение пре- ступной воли в покушении, а только для ха- рактеристики этой стадии развития воли ищет вовне признаков объективного свойства» [9, с. 302].

Список использованных источников

1. Будзинский С. Начала уголовного права. Варшава: Тип. И. Яворского, 1870. 362 с.
2. Горегляд О. Опыт начертания российского уголов- ного права. СПб.: Тип. И. Иоаннесова, 1815. 168 с.
3. Калмыков П. Д. Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная. СПб.: Тип. товарищества «Обще- ственная польза», 1866. 535 с.
4. Колоколов Г. К учению о покушении. М.: Унив. тип., 1884. 232 с.
5. Орлов А. Н. О покушении на преступления по нача- лам науки и современным законодательствам. М.: Унив. тип., 1868. 161 с.
6. Пусторослев П. П. Русское уголовное право: Общая часть. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1912. 535 с.
7. Ратовский Н. В. О покушении на преступление. Казань, 1842. 48 с.
8. Ситникова А. И. Русские криминалисты о неокон- ченных видах преступлений. М.: Юрлитинформ, 2013. 162 с.
9. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая: в 2 т. М.: Наука, 1994. Т. 1. 419 с.
10. Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории на- уки уголовного права в России. М.: Зерцало, 2003. 523 с.

References:

1. Budzinsky S. The beginnings of criminal law. Warsaw: I. Yavorsky's Printing House, 1870. 362 p. [in Russ.].
2. Goreglyad O. The experience of writing Russian criminal law. St. Petersburg: I. Ioannesov' Printing House, 1815. 168 p. [in Russ.].
3. Kalmykov P. D. Textbook of criminal law. Parts general and special. St. Petersburg: Printing House of the "Public Benefit" partnership, 1866. 535 p. [in Russ.].
4. Kolokolov G. On the doctrine of attempted murder. Moscow: University Printing House, 1884. 232 p. [in Russ.].
5. Orlov A. N. On attempted crimes according to the principles of science and modern legislation. Moscow: University Printing House, 1868. 161 p. [in Russ.].
6. Pustoroslev P. P. Russian criminal law: The general part. Yuriev: K. Mattisen's Printing House, 1912. 535 p. [in Russ.].
7. Ratovsky N. V. On the attempted crime. Russian criminologists on unfinished types of crimes. Kazan, 1842. 48 p. [in Russ.].
8. Sitnikova A. I. Russian criminologists on unfinished types of crimes. Moscow: Yurliinform, 2013. 162 p. [in Russ.].
9. Tagantsev N. S. Russian criminal law. Lectures. The general part: in 2 vols. Moscow: Nauka, 1994. Vol. 1. 419 p. [in Russ.].
10. Feldstein G. S. The main trends in the history of the science of criminal law in Russia. Moscow: Zertsalo, 2003. 523 p. [in Russ.].